

«Нет на него Шекспира!»

Эти слова произнес один наш видный режиссер, впервые услышав рассказ о жизни и судьбе Сергея Королева из уст замечательного летчика Марка Галлая. С тех пор биография Королева стала общеизвестна в России — какие бы купюры в ней ни делал тот или иной мемуарист, писатель или кинорежиссер. Иначе получилось с Мстиславом Келдышем. Да, был такой математик в Москве. Да, называли его Теоретиком Космонавтики — непонятно, за что. Да, избрали его президентом Академии наук после полета Гагарина. А дальше что? Вот уже отмечаем его столетний юбилей. Не пора ли сказать о нем побольше правды — да была б она погуще, как бы ни была горька?

Что же, начнем. В начале 1911 года родился мальчик в многодетной семье инженера-строителя Всеволода Келдыша — фортификатора западных границ Российской империи. Не диво, что родился ребенок в Риге, но в университет пошел в Москве — вслед за старшей сестрой Людмилой. Эта тихая, умная и властная девушка смолodu решила стать математиком — не хуже Софьи Ковалевской. Людмила выполнила свою программу — благо на физмате МГУ она встретила великого учителя Николая Лузина, а рядом с ним трудилась ее будущий муж — Петр Новиков. Но юный Мстислав Келдыш попал в МГУ семью годами позже — когда постаревший Лузин стал духом-покровителем своей паствы, а реальное преподавание вели его старшие ученики.

Среди них научным шефом Келдыша стал Михаил Лаврентьев — знаток и любитель функций комплексного переменного, охотно применявший их к новым запросам гидро- и аэродинамики. Так юный Келдыш попал в

новый институт ЦАГИ и вошел в контакт с авиаконструкторами Советской России. Те быстро оценили юного трудоголика как хитроумного изобретателя математических моделей для очередных неожиданных феноменов самолетного дела. Будь то флаттер, шимми или иное шифрованное имя очередного природного чуда, сокрушающего самолет в считанные минуты. Победа над флаттером и шимми сделала Келдыша Героем Социалистического Труда и академиком (1946). Тогда же имя Келдыша исчезло из открытых журналов: секретный академик авиации разделил судьбу наших лучших физиков-ядерщиков и конструкторов боевой техники.

Позднее на этой почве случались конфузы. Так, один из ученых племянников Келдыша, впервые посетив США как лазерный физик, был встречен недоуменной фразой: «А мы думали, что Келдыш — это женщина!» Да, Людмилу за рубежом знали — благо она занималась топологией, не имевшей военных приложений. А еще она была матерью пятерых детей, из коих двое вышли в академики — без всякой дядиной протекции. Зато родной сын Келдыша вырос милым, но слабовольным юношей: отец не находил времени для возни с ним, работая по 15 — 20 часов в сутки в своей военной науке. Тяжела ты, шапка Мономаха!

В 1961 году Мстислав Келдыш стал президентом нашей Академии наук. Теперь он отвечал не только за космические успехи и неудачи, но за все новинки российской науки: будь то дивные колебательные реакции Белоусова в химии или чудеса биологической эволюции динозавров, отраженные в окаменелостях пустыни Гоби. Кажется, что не было у нашей академии в XX веке более способного президента!

Келдыш удивительно быстро схватывал суть новых проблем в недолгой беседе с очередным профессором, завлабом или ассистентом. Такая работа не казалась бывалому космику сложнее, чем диагностика аварий в авиации или ракетном деле. А главное, Келдыш быстро находил общий язык с любым энтузиастом научной работы. И чувствовал, до какого предела специалисту можно смело доверять, а где его заносит в фанатизм. Как нередко заносило дерзкого оптимиста Королева. Непростые отношения связывали Теоретика Космонавтики с Главным Конструктором космических кораблей! Но пока во главе российской космической программы стоял самоуверенный волшебник Королев — у СССР был хороший шанс опередить США в лунной гонке.

Жаль, конечно, что Нобелевская премия за первый искусственный спутник Земли проплыла мимо! В 1957 году ошеломленные шведы были готовы наградить кого угодно: назовите только имена! Но кремлевские чиновники не решились рассекретить Келдыша, Королева и Глушко. Непредсказуемый Хрущев заявил тогда, что «это — подвиг всего советского народа, а не трех человек!». С той поры ни один космический конструктор не удостоился Нобелевских лавров — в отличие от астрономов, которые всем обязаны новым космическим телескопам. Кого и как наградят за первое достижение Луны?

Тут грянул 1966 год. Сергей Королев внезапно умер во время хирургической операции. Кто его сменит? Неужели жесткий интеллигент Глушко — творец ракетных двигателей? Он недавно оскорбил Королева замечанием, что «с хорошим мотором и забор полетит!». Теперь все заместители Королева встали против кандидатуры Глушко — вопреки мнению Келдыша. Лояльный генсек Брежнев уступил коллективной просьбе, назначив новым лидером удобного для всех чело-



ЗК=Королев, Курчатова, Келдыш

века — Мишина. Этот никого не обидит резким словом — но и сам пороку не выдумает и других не заставит его выдумать. Дальновидный Келдыш понял: теперь шансы русских космиков обогнать американцев на Луне опасно уменьшились!

Меж тем в несекретной математике россияне не уступали американцам. Летом 1966 года еще один племянник Келдыша (Сергей Новиков) поразил своим докладом на Московском конгрессе всех лидеров Международного союза математиков. И заслужил первую среди россиян премию Филдса. Тут умный и чуткий Келдыш впервые усомнился: правильно ли вкладывать львиную долю государственных ресурсов только в военную науку? Не обижает ли такая практика молчаливое большинство российских ученых? Не подрывает ли их инстинктивный патриотизм?

Тогда государственный человек Келдыш отмахнулся от неудобного вопроса. Но через два года тот же вопрос встал с новой остротой. Сотня московских математиков написала открытое письмо на защиту своего коллеги Есенина-Вольпина. Нерадивые или продажные эскулапы посадили его в психушку для алкоголиков — хотя следовало бы направить больного в обычный психиатрический санаторий. Одна копия рокового письма попала в ЦК КПСС, другая — в руки западных журналистов. Закипел большой скандал, заметный даже на фоне интервенции советских войск в мятежную Чехословакию. Как должен

реagirовать президент Келдыш на такое непокорство самозванного профсоюза математиков?

По долгу службы Келдыш вызывал на ковер самых видных подписантов скандального письма. И резал им правду-матку: вы что, забыли, как Хрущев был готов распустить Академию наук, не уважившую его любимца Лысенко?

Неожиданно на эту выволочку последовал жесткий ответ. Израиль Гельфанд, Леонид Канторович, Петр Новиков и другие моральные лидеры заявили своему президенту, что пора прекратить низкопоклонство ученых россиян перед кремлевскими невеждами. Нынешний Брежнев — это не тиран Сталин и не дикарь Хрущев. Его можно и нужно воспитывать умной и твердой оппозицией, не оставляя свободу рук кремлевскому кукловоду — неисправимому сталинисту Сулову. Вот наши физики еще при Хрущеве не позволили выбрать в академики прихлебателей Лысенко, пора теперь нам сделать следующий шаг!

Келдыш, выросший в военно-промышленном комплексе, не решился поддержать новую ересь. В ответ подписанты объявили бойкот своему президенту. Так поступила вся семья Людмилы Келдыш. Державный брат Мстислав оказался в тоскливом одиночестве. Через год американцы первыми высадились на Луне; обиженные кремлевские старцы отменили запланированный полет российских космонавтов. После этого Келдыш впервые попросил Брежнева об отставке с поста президента АН. Конечно, Брежнев отказал в этой просьбе: «Вам нет адекватной замены во главе Академии, как нет ее Королеву во главе космической программы!» И пришлось трудоголику Келдышу вживаться в роль нелюбимого начальника неохочих подчиненных.

Вскоре истраченное в прежних боях здоровье не выдержало новой нагрузки, не компенсируемой яркими успехами. Келдышу понадобилась сложнейшая операция с заменой крупных кровеносных сосудов. Ее провел американский волшебник Дебейки, отказавшись от

гонорара за спасение жизни российского ученого в условиях разрядки между СССР и США. Увы: ни Дебейки, ни его российские коллеги не смогли спасти в 1973 году жизнь Ивана Петровского — великого ректора МГУ, сраженного инфарктом после очередного инструктажа в ЦК КПСС! Сломленный этой потерей и своей болезнью, Келдыш вновь попросил об отставке. В 1975 году он ее получил — и в 64 года вдруг ощутил себя лишним человеком.

В космической гонке американцы ушли далеко вперед. Их зонды лихо исследуют большие планеты Солнечной системы, а мы имеем успехи только на Венере! Мирное освоение термоядерных реакций тоже застопорилось. В компьютерных делах СССР безнадежно отстал от капиталистических стран. Наша научная молодежь мечтает поработать на Западе — и не прочь там остаться. Только «чистые» математики удерживают былую славу российской науки на прежнем уровне. Но они демонстративно пренебрегают партийным начальством — как будто никакого СССР для них уже нет. А может, и не было никогда?

Куда же податься старому ученому-государственнику? Семья: она могла бы стать прочным убежищем, если бы он вовремя уделял ей достаточное внимание. Но тогда не хватало времени в сутках — а сейчас не хватает друзей среди родных. Непреклонная сестра Людмила умерла в 1976 году, так и не помирившись с братом. Сын Петр не вынес служебных неприятностей после отставки отца и умер странной смертью, похожей на самоубийство. Ученые-племянники избегают общения с дядей, который не сумел стать их старшим другом. Так для чего жить дальше? За что уважать себя в нынешнем состоянии?

Летом 1978 года храбрый математик Келдыш тихо ушел из жизни по своей воле, никого ни в чем не обвиняя. Кремлевские начальники постарались побыстрее забыть о трагическом герое советской науки. Но где-то же подрастает наш очередной Шекспир, чтобы напомнить грядущим поколениям россиян об ушедших героях нашего железного века!